

8. Saharniy L. V. Teksti-primitivy i zakonomernosti ih porozhdeniya // Chelovecheskij factor v yazyke: yazyk I porozhdeniye rechi. M., Nauka, 1991, pp. 221–237.

9. Sharifullin B. Ya. Yazikovaya politika v gorode: pravo yazyka vs. Yazikovye prava cheloveka (pravo na imya) // Yurilingvistika-2: Russkij yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom byitii. Barnaul, 2000, pp. 172–181. Available at: <http://www.lingvotech.com/sharifullin-00>.

10. Shmeleva T. V. Onomastika. Slavyansk-na-Kubani, brunch of KubSU, g. Slavyandk-na-Kubani Publ., 2013. 161 p.

11. Shmeleva T. V. Kak nazivayut parikmaherskiye v Velikom Novgorode // Chelovek I yazyk v kommunikativnom prostranstve. Krasnoyarsk, Lesosibirsk, 2014, iss. 5, pp. 69–75. Available at: <http://www.novsu.ru/file/1103281>.

12. Eko U. Otsutstvuyuschaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu. M., Petropolis, 1998. 432 p.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ ТАКСИСА И ДРУГИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Донченко Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: edontchenko@mail.ru.

В статье даны характеристика категории таксиса и анализ её соотношения с категориями временной соотнесённости, согласования времён, временного порядка и временного дейксиса в лингвистике, а также исследуются особенности их выражения во французском и в русском языках.

Ключевые слова: таксис, временной порядок, согласование времён, категория временной соотнесённости, абсолютные и относительные времена, временной дейксис

THE INTERRELATION AMONG THE CATEGORIES OF TAXIS AND OTHER SEMANTIC CATEGORIES IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

Dontchenko Elena V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: edontchenko@mail.ru.

Subject matter is the analysis of interrelation among categories of taxis, tense correlation, string of tenses, order of tenses, tense deixis. In the article are analyzed the linguistic peculiarities of their expressions in Russian and French languages.

Keywords: taxis, order of tenses, sequence of tenses, the category of tense correlation, absolute and relative tenses, tense deixis

Семантика категории таксиса трактуется в грамматике как временное отношение между действиями в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса [1, с. 234].

Ядром семантической категории таксиса является оппозиция значений одновременности / разновременности (предшествования / следования). Однако семантика таксиса в более широком смысле не может быть сведена только к этим значениям. Временные отношения между действиями всегда включают аспектуальную характеристику. Кроме того, они могут быть осложнены семантикой обусловленности (значениями условия, причины, следствия,

цели, уступки, зависимости времени одного действия от времени другого действия, а также модальными отношениями и отношениями характеристики.

Интерпретация таксиса на основе функционального принципа позволяет объединить такие разноплановые явления, как время, вид, модальность, временную соотнесённость в рамках одного высказывания, и представить эту категорию в виде полевой структуры. При этом каждому высказыванию соответствует таксисная ситуация как выражаемая различными средствами единая структура, основанная на семантической категории таксиса, образующей данное поле. Сопряжённость таксисных ситуаций с аспектуальными позволяет использовать понятие аспектуально-таксисной ситуации. Данный тип комплексной категориальной ситуации отражает устойчивые связи соответствующих семантических категорий и пересечения ФСП и имеет таксисную доминанту. Это содержательная структура, которая базируется на семантической категории таксиса и образуемом ею ФСП таксиса в их взаимодействии с аспектуальностью, что позволяет дать характеристику временных отношений между действиями, включая их аспектуальные признаки в рамках целостного временного периода, охватывающего значения всех компонентов полипредикативного комплекса [1, с. 256–274].

Многоярусность средств выражения таксиса позволяет ввести понятие ФСП таксиса во французском языке. В русском языке это поле формируется морфологическими, лексическими, синтаксическими средствами. На первый план выступает аспектуальная семантика глаголов. Во французском языке ядром таксиса выступает грамматическая категория временной отнесённости (перфектности), что подтверждается анализом таксисных отношений в сложноподчинённых предложениях.

Структура сложноподчинённого предложения характеризуется тем, что предикативные единицы в ней объединены общностью временного плана, что и определяет реализацию таксисных отношений. Сложноподчинённые предложения с атрибутивной связью являются нейтральными по отношению к таксисной семантике. Они выражают лишь содержательную соотнесённость действий, тогда как основную нагрузку в выражении таксисных отношений предшествования, одновременности, следования несут перфектные формы в комбинации с неперфектными, а также с датирующими и видовыми наречиями.

Полипредикативное единство, выраженное сложноподчинённым предложением с придаточным атрибутивным, имеет специфику выражения таксисных отношений. Анализ данного типа предложений является значимым в плане структурной и семантической взаимообусловленности действий. В зависимости от типа атрибутивного придаточного предложения формируется определённый порядок следования элементов сложного полипредикативного целого.

Соотношение таксиса с другими семантическими категориями в рамках одного языка позволяет проследить, насколько сопряжены взаимодействующие друг с другом лексическая и грамматическая семантика в рамках единого семантического комплекса, «чистого таксиса» не существует [1, с. 236]. С другой стороны, как объяснить тот факт, что в русском языке существует категория таксиса, а согласование времён никогда не упоминалось исследователями русского глагола? Этот вопрос возникал только в сопоставительных исследованиях глагольной системы разноструктурных языков [1, с. 51–84; 9, с. 215].

По мнению К. Бракенъе, в русском языке в сложном предложении глагол главного предложения остаётся управляющим и определяет место действия придаточного на временной оси [10, с. 17]. Грамматическое время придаточного предложения является, таким образом, относительным [9, с. 270], так как оно позволяет установить отношения хронологии, которые существуют между действиями главного и придаточного предложений. Если же действие главного предложения выражено настоящим историческим временем, то нельзя

говорить о согласовании грамматического и реального времён. Они не являются действительными, но, по мнению Р. Якобсона, связаны отношениями таксиса, который характеризует действие по отношению к другому действию без связи с моментом речи. Именно таксисные отношения позволяют установить хронологию событий, располагая их в отношении друг к другу.

В вопросе о соотношении временного порядка и временного дейксиса значимым является разграничение типов высказываний с точки зрения их отношения к ситуации речи. Это разграничение проводилось представителями разных лингвистических школ в разных терминах и, по крайней мере, отчасти, – с разных точек зрения. Так, Э. Бенвенист в связи с анализом категории времени (и отчасти категории лица) разграничивал два плана высказывания – *plan du discours* и *plan de l'histoire* [6, с. 73–74].

Анализируя категорию временного дейксиса, мы имеем в виду языковую интерпретацию соотносённости времени действия с моментом речи или какой-нибудь иной точкой отсчёта. Временной дейксис выступает в ситуативно актуализированной речи как осознаваемая участниками речевого акта и существенная для смысла высказывания интенциональная (входящая в намерения говорящего) характеристика действия как прошедшего, будущего или настоящего. Прототипический временной дейксис служит основой и «образцом» для ряда производных, более сложных разновидностей отношения времени действия к исходной точке отсчёта [1, с. 5–31].

Грамматическая категория времени всегда играет важную роль в выражении временного порядка. При всех различиях между реальным (прототипическим) и «условным» дейксисом у форм времени сохраняется связанная с категорией временного порядка функция выражения основной линии повествования.

В русском языке выбор видовременных форм в сложных предложениях отражает согласование времён с реальным временем или таксисные отношения, когда будущее время выражает действие в прошлом, но следует за моментом речи. Прошедшее время несовершенного вида выражает чаще всего одновременность действий в прошлом, длительное действие, одновременное незавершённому действию в прошлом или действие второго плана. В русском языке видовременные формы используются не для выражения согласования времён, как во французском языке, но для выражения таксисных отношений, так как позволяют выстроить хронологию событий одних в отношении к другим.

Таким образом, согласование времён в русском языке отсутствует и упоминается лишь в сопоставительном аспекте при сравнении с согласованием времён в других, в частности, во французском языке [2, с. 7]. Во французском языке время придаточного предложения всегда относительно [7, с. 280] и позволяет говорящему выстроить хронологию временных отношений между действиями. Грамматические времена во французском языке в рамках сложного предложения устанавливают порядок, который соответствует хронологическому порядку действий в экстралингвистической действительности. Однако можно рассматривать процесс как под углом его внутреннего развития, так и по отношению к другому действию. Таким образом, сочетание времён является ключевым условием временной организации предложения. С другой стороны, описание проблематики временного порядка тесно связано с взаимодействием семантических категорий времени, наклонения и вида.

В отличие от русского языка, во французском языке всякое сложноподчинённое предложение характеризуется двойным соотношением времени (*intérieure / extérieure*):

- соответствие двух действий (главного и придаточного предложений) в отношении к моменту речи (*passé-présent-futur*) (*corrélation extérieure*);
- линейная последовательность действий (*corrélation intérieure*).

Глагольная форма главного предложения во французском языке выражает абсолютное соответствие времени, глагольная форма придаточного предложения определяется в соответствии с функцией выражения относительной временной соотнесённости.

Вопрос о внутренней линейной последовательности времени в предложении и в тексте решается по-разному. Глагольная система французского языка организована таким образом, что каждой простой форме соответствует сложная форма. Если принять, что категория вида выражается во французском языке оппозицией простых и сложных форм, то это означает, что каждое высказывание содержит информацию о виде [13, с. 108]. По мнению Б. Комри, вид указывает на различные способы трактовки временной структуры события. Следовательно, функция глагольного вида состоит в организации внутреннего временного порядка французского предложения и текста, в каждом предложении которого между глагольными временами действий устанавливается отношение временной зависимости.

Изучение данной категории, разработанное Ю.С. Масловым [4, с. 25] и А.В. Бондарко [1, с. 76] на материале славянских языков, показало, что русский язык не располагает временными формами, способными выражать относительные связи. В отличие от русского языка, время придаточного предложения во французском языке изменяется в зависимости от глагольного времени главного предложения. Если можно рассматривать понятие «таксис» как эквивалент относительного времени во французском языке, то соотношение между понятиями «таксис» и «относительное время» в каждом языке имеет свои особенности. Таксис – это синтагматическая категория, характеризующая порядок протекания во времени действий-событий на основе их временной корреляции и независимо от момента речи [1, с. 196].

Ранее для обозначения рассматриваемого понятия на уровне текста был использован термин «временная последовательность» [14, с. 67–83]. Однако он передаёт значение сукцессивности, тогда как анализируемая семантика включает и симультанность. Так появился термин «временной порядок», восходящий к Г. Рейхенбаху [17, с. 156–170]. Языковая семантика временного порядка отражает человеческое представление о течении времени, представленное в работах по философии времени. Особо следует выделить концепцию Г. Рейхенбаха, в которой значительную роль играет понятие «временной порядок», трактуемое как порядок событий во времени.

Структуру временного порядка в тексте образуют различные комбинации динамичности / статичности. Эта оппозиция строится на основе семантических признаков «возникновение новой ситуации» (ВНС) – «данная ситуация» (ДС) и таксисных признаков сукцессивности / симультанности [1, с. 49–96]. В русском языке комбинации указанных признаков выражаются с участием форм совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Когда речь идёт об отношениях сукцессивности / симультанности в отдельных предложениях, фактически предметом анализа является таксис. Однако если учесть, что подобные отношения включаются в структуру целостного текста как элементы динамичности и статичности, то становится ясным, что анализируемые отношения должны рассматриваться и в связи с проблематикой временного порядка.

В выражении семантики таксиса и временного порядка могут участвовать обстоятельства. Следует выделить особый их тип – «обстоятельства временного порядка»: *на следующий день, несколько месяцев спустя, затем, потом* в русском языке; *le lendemain, quelques mois après, puis, après* и другие во французском языке. Такие обстоятельства необходимо отличать от обстоятельств, которые служат прежде всего для конкретизации временного дейксиса: *два месяца тому назад, когда-нибудь, завтра, вчера, прошлым летом, давно, недавно, скоро* и т.п. Подобные обстоятельства имеют отношение и к языковому представлению временного порядка, поскольку обозна-

чается тот или иной момент на оси времени. Однако рассматриваемые обстоятельства прежде всего определяют дейктические отношения «прошедшее», «будущее», «настоящее», их первичная функция дейктическая. В этом смысле можно говорить о различии обстоятельств временного порядка и обстоятельств временного дейксиса. Наличие особого типа обстоятельств временного порядка, противопоставленных обстоятельствам временного дейксиса, свидетельствует о том, что соотношение понятий «временной порядок» и «временной дейксис» отражает реальные различия, существующие в языке и речи.

При рассмотрении роли глагольных средств выражения аспектуальности и обстоятельств в представлении временного порядка следует учитывать, что эти языковые средства выступают во взаимодействии с порядком слов, последовательностью глагольных форм. Она не всегда отражает последовательность обозначаемых действий, но такие несоответствия всегда так или иначе обозначаются, поскольку представляют собой своего рода отклонения от основной тенденции. Те или иные элементы временного порядка выступают в отдельном высказывании, но наиболее полное отражение данная категория находит в целостном тексте. Понятие временного порядка отражает один из основных компонентов аспектуально-темпоральной структуры текста (наряду с локализованностью / нелокализованностью обозначаемых ситуаций во времени, темпоральностью, структурами аспектуальных и таксисных ситуаций разных типов).

Следует проводить различие между языковым представлением временного порядка, воплощённым в обозначаемых событиях, и размышлениями «на тему временной последовательности». В подобных отражениях временного порядка доминирует направление от более ранних событий к более поздним, соответствующее «естественному течению времени», однако возможно и представление хода событий, идущее от недавних событий к тому, что им предшествовало.

Одна из наиболее существенных сторон взаимосвязей рассматриваемых категорий заключается в том, что ориентация времени действия на момент речи или (при относительном времени) на другую точку отсчёта осуществляется в рамках временного порядка. И точка отсчёта, и время действия – это те точки и периоды, которые расположены на оси времени, т.е. занимают определённое место во временном порядке, от которого идут «векторные линии», с одной стороны, в прошлое – ближайшее и отдалённое, а с другой – в будущее.

Категории временного порядка и таксиса частично пересекаются. Вместе с тем эти понятия не совпадают. Таксис – это временные отношения между действиями (отношения одновременности / разновременности), выражаемые в рамках полипредикативных конструкций [1, с. 70–98, 234–242], тогда как понятие временного порядка не ограничивается полипредикативными конструкциями. С одной стороны, оно может быть распространено на текст в целом (временная линия в повествовательном тексте), а с другой, элемент временного порядка может быть представлен и в монопредикативных конструкциях. Существенное различие заключается в общей ориентации рассматриваемых понятий. Понятие таксиса ориентируется на временные соотношения действий с точки зрения их одновременности / разновременности, тогда как понятие временного порядка ориентировано на характеристику аспектуально-темпоральной структуры текста, на отражение в нём человеческого представления о течении времени, воплощённом в осуществлении фактов и протекании процессов.

Речь идёт о системе, в которой взаимодействуют категории темпоральности, аспектуальности, временной локализованности, временного порядка и таксиса. Анализ временного порядка представляет собой продолжение и развитие того подхода к семантическим категориям грамматики и категориаль-

ным ситуациям, который лежит в основе функциональной грамматики. Специфика исследования категории временного порядка заключается в доминирующей направленности анализа на изучение реализации данной категории в высказывании и в целостном тексте. Проводимый анализ по своей доминанте относится к сфере аспектологии текста.

Анализ категории таксиса в сложноподчинённых предложениях с относительным придаточным представляет собой исследование особой категории придаточных предложений, управляемых, в большинстве случаев, антецедентом главного предложения [14, с. 25–26]. Отсюда следует, что синтаксическая функция относительного придаточного предложения определяется в зависимости от антецедента главного предложения и в рамках различных подходов:

1) морфологического, согласно которому относительные придаточные подчиняются главному вследствие подчинительной роли союза, вводящего придаточное предложение;

2) семантико-синтаксического, который рассматривает придаточные в зависимости от синтаксической функции относительного местоимения, входящего в состав придаточного предложения, но также учитывая прагматическую структуру всего предложения;

3) генеративного, или трансформационного [12, с. 11], основанного на теории глубинных структур.

Соотношение времён и наклонений в сложноподчинённом предложении с атрибутивным придаточным зависит как от природы антецедента главного предложения, так и от грамматической семантики управляющей глагольной конструкции главного предложения. Выбор наклонения, как правило, определяется природой антецедента. Употребление указательного местоимения или прилагательного в главном предложении влечёт за собой употребление изъявительного наклонения в придаточном предложении, так как оно указывает на реальное действие.

Les aspirants au conservatoire doivent se faire inscrire au secrétariat sous leur véritable nom, auquel il leur est loisible d'ajouter un pseudonyme.

При этом время главного и придаточного предложений во французском и в русском языках может совпадать, как если бы они выражали одновременность действий, но в реальности могут выражать законченность сменяющих друг друга действий в прошлом.

(1) *Je me souviendrai longtemps de son dos rond qui lui donnait l'air d'être accrochée dans l'espace et auquel ses quinze ans de porcelaine semblaient pendre, comme une poupée à un clou.* H. Basin, *La mort du petit cheval*, p. 37.

(2) *Peut-être aperçut-il, dans ses yeux, une autre image montée du fond des jours : celle du catéchumène de treize ans, de l'orphelin en souquenille blanche que le Père de la Côte avait conduit un soir vers l'île, que Cissé avait regardé en serrant son fils dans ses bras, et auquel elle avait dit avec son sourire d'aujourd'hui.* M. Genevoix *Fatou cisse*, 1954, p. 194.

В русском языке действия главного и придаточного предложений можно выразить формами прошедшего времени несовершенного вида глагола, так как для каждой ситуации есть своя ключевая пара глагольных форм, выражающих таксисные отношения. Отсутствие в русском языке согласования времён компенсируется участием вида или других аспектуальных характеристик глагольной формы.

Соотношение глагольных форм сложного предложения во французском языке является ключевым в построении фразы и отражает не только категорию временной соотнесённости, таксиса, но и взаимодействие лексико-семантических полей времени, вида и наклонения.

(1) *Puis il souffla, avec l'air satisfait de l'homme qui a rempli sa tâche et qui ne doit de compte à personne.*

Пример показывает, что употребление *Passé composé* указывает на предшествование по отношению к действию глагола в *Présent*, а также в *Passé simple*. Здесь уместно упомянуть высказывание Э. Бенвениста о том, что форма предшествования должна синтаксически опираться на свободное грамматическое время, с которым сложная форма глагола может соотноситься на одном временном уровне [6, с. 247].

(2) *Elle parla enfin, cherchant des mots qui pussent me faire croire ...* (Mauriac, *Le nœud de vipères*).

В данном примере очевидно, что временная организация предложения проходит под эгидой таксиса (*parla / pussent*), указывая на принадлежность обеих форм к плану прошлого. Сложная глагольная форма как маркированный член оппозиции характеризуется в рамках сложноподчинённого предложения неизменно семантикой предшествования и связи с последующим действием, выраженным простой формой. Сложная форма в рамках сложноподчинённого предложения употребляется как в главном, так и в придаточном предложениях, однако грамматическая семантика её будет разной. Употребленная в придаточном предложении, сложная форма неизменно выражает предшествование и связь с моментом последующего действия, тогда как употребление сложной формы в главном предложении является достаточно редким явлением, так как нарушает линейный характер повествования.

Анализ примеров показал, что в употреблении времён во французском языке нет ограничений в сложных предложениях с относительным придаточным. Соотношение времён главного и придаточного предложений во французском языке выражает синтаксическую категорию таксиса, поскольку передаёт отношения одновременности / предшествования / следования действий в рамках одного высказывания и независимо от момента речи. Французский язык располагает системой иерархических и коррелирующих форм для выражения таксисных отношений, однако соотношение этих форм в контексте может быть различно. Сложная глагольная форма выражает прерывистость временного порядка, тогда как простая форма устанавливает непрерывную цепь событий. Чередование простой и сложной форм способно выражать не только хронологическую связь событий, но и коммуникативную напряжённость высказывания [16, с. 165]. В русском языке, где наличествует пять временных форм, выбор определяется не только грамматической семантикой глагольного времени, но также видовой и модальной семантикой глагольной формы.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 208 с.
2. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В. Г. Гак. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 264 с.
3. Кузнецова И. Н. Практический курс сопоставительной грамматики русского и французского языков / И. Н. Кузнецова. – М., 1987.
4. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 839 с.
5. Муравьёва Н. А. Семантика глагольных форм, выражающих таксис одновременности, в финно-угорских языках / Н. А. Муравьёва // *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. – СПб. : Наука, 2014. – Т. X, ч. 3. – С. 804–806.
6. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale* / E. Benveniste. – Paris : Gallimard, 1966. – 298 p.
7. Berthonneau A. M. *Subordination et temps grammaticaux* / A. M. Berthonneau, G. Kleiber // *Dépendance et intégration syntaxique*. – Tubingen, 1996. – 184 p.

8. Bloomfield L. Language / L. Bloomfield. – New York : Henry Holt, 1933. – 400 p.
9. Boulanger A. Pratique de la traduction russe, première partie. Eléments de syntaxe comparée / A. Boulanger. – Paris : Orphys, 2000. – 215 p.
10. Christine Bracquenier, Concordance(s) des temps en russe contemporain – Paris, 2000. – 180 p.
11. Brunot F. Précis de grammaire historique de la langue française / F. Brunot, Ch. Brunneau. – Paris : Masson, 1956. – 326 p.
12. Chomsky N. Aspect de la théorie syntaxique / N. Chomsky. – Paris : Edition du Seuil, 1966. – 247 p.
13. Comrie B. Language Universals and Linguistics typology / B.Comrie. – Oxford :Oxford University Press, 1981. – P. 25–39.
14. Fuks K. A propos des relatives / K. Fuks, J. Milner. – Paris : Selaf, 1979. – 196 p.
15. Guillaume G. Temps et verbe / G. Guillaume. – Paris : Champion, 1972. – 138 p.
16. Kouliev R. Temps et texte en français / R. Kouliev. – Grenoble : Université Grenoble 3, 2003. – 230 p.
17. Moeschler, J. Le temps des événements / J. Moeschler. – Paris : Editions Kimé, 1999. – 333 p.
18. Weinrich H. Le Temps / H. Weinrich. – Paris : Edition du Seuil, 1989. – 338 p.

References

1. Bondarko A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii. M., Editorial URSS, 2003. 208 p.
2. Gak V.G. Russkij jazyk v sopostavlenii s francuzskim. M., Editorial URSS, 2006. 264 p.
3. Kuznecova I.N. Prakticheskij kurs sopostavitel'noj grammatiki russkogo i francuzskogo jazykov. M., 1987.
4. Maslov Ju.S. Izbrannye trudy. Aspektologija. Obshee jazykoznanie. M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 839 p.
5. Murav'eva N. A. Semantika glagol'nyh form, vyrazhajushhih taksis odnovremennosti, v finno-ugorskih jazykah // Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. Vol. X, part 3. SPb., Nauka, 2014, pp. 804–806.
6. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, Gallimard, 1966. 298 p.
7. Berthonneau A. M., Kleiber G. Subordination et temps grammaticaux // Dépendance et intégration syntaxique. Tubingen, 1996. 184 p.
8. Bloomfield L. Language. New York, Henry Holt, 1933. 400 p.
9. Boulanger A. Pratique de la traduction russe, première partie. Eléments de syntaxe comparée. Paris, Orphys, 2000. 215 p.
10. Christine Bracquenier, Concordance(s) des temps en russe contemporain. Paris, 2000. 180 p.
11. Brunot F., Brunneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris, Masson, 1956. 326 p.
12. Chomsky N. Aspect de la théorie syntaxique. Paris, Edition du Seuil, 1966. 247 p.
13. Comrie, B. Language Universals and Linguistics typology. Oxford, Oxford University Press, 1981, pp. 25–39.
14. Fuks K., Milner J. A propos des relatives. Paris, Selaf, 1979. 196 p.
15. Guillaume G. Temps et verbe. Paris, Champion, 1972. 138 p.
16. Kouliev R. Temps et texte en français. Grenoble, Université Grenoble 3, 2003. 230 p.
17. Moeschler J. Le temps des événements. Paris, Editions Kimé, 1999. 333 p.
18. Weinrich H. Le Temps. Paris, Edition du Seuil, 1989. 338 p.